

ДОБРЫЙ ДРУГ ДЕТВОРЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

КОМУ из малышей не нравится «самый красивый, самый обаятельный, самый привлекательный» узале Карлсон! Они влюблены в него, прямо-таки без ума от его выходок. Так почему же так происходит? Казалось бы, и внешность его далека от идеала, да и проделки с точки зрения нашей, взрослой, логики не очень хороши. Да потому, что логика его мышления, поступков продиктована добрым пониманием маленького человечка. И проделки сродни мальчишечьим, и желания, и вкусы совпадают с ребячьими.

И вот по воле фантазии крымского писателя В. Орлова на сцене Театра юного зрителя им. 50-летия ВЛКСМ появился новый ребячий защитник и в то же время воспитатель Шуршик в одноименном спектакле.

Я был поражен, как самые-самые маленькие живо, трепетно воспринимают каждую реплику Шуршика, напрочь забыв, что они находятся в театре, игнорируя все наставления детсадовских воспитателей и родителей, в полную мощь своего звонкого голоса кричат, советуют, возмущаются, жалеют. И все поразительно точно, логично. Детей не обманешь! Они чувствуют очень тонко, где фальшь, а где правда. И правда доброты, доброжелательности Шуршика им импонирует.

Перед нами очень, очень нескладушный старичок в больших башмаках, с копной

рыжих свалывшихся волос, не знающих расчески. И сияющие добротой пронзительные глаза. Ах, как ему все здесь нравится, как он влюблен в свою избу старую-престарую, в свои часы дрезные - преддревние, лет которым не счесть. И то, что в этой избе, где живет-поживает одна старенькая бабуся, все идет четко и размеренно на протяжении многих лет, он, Шуршик, считает своей заслугой. И все бы, вероятно, так бы и шло и ехало еще много времени, если бы не одно невероятное событие...

ОДНАКО все по порядку. Когда зрители заходят в зал, сцена открыта, занавеса нет. На сценической площадке всего лишь три детали. В центре большие часы. По правой стороне — кровать, аккуратно застланная покрывалом домашней выработки, слева стол, видимо, обеденный и дорожки, половики, которыми затянута весь пол. Вот в такую атмосферу вводит нас театр.

Звучат музыкальные позывные раз, два, три (они вместо традиционных звонков), и начинается действие. Хозяйка этой обители Бабушка (арт. И. Демидова) занята своей каждодневной работой по дому: уборкой, варкой, уходом за коровой.

И вот все разрушено! Мирное, размеренное тече-

ние жизни сразу, смаху взбодорожило невероятное событие — приезжает на каникулы ее самый любимый, дорогой и единственный внучек Вовочка. Рада этому несказанно Бабушка. Все самое лучшее, вкусненькое поставлено на стол. И когда никого нет, из-за часов, а они большие - пребольшие, почти на ползеркала сцены, мы слышим какие-то звуки: шур-шур-шур, и появляется он, Шуршик. Как же иначе? Ведь он первым должен снять пробу со свежего обеда. Но он ест своеобразно. Неизменным орудием для принятия пищи у него является... веер. Ведь он сказочный персонаж, поэтому и питаться он должен своеобразно. Несколько движений веером — вот он уже попробовал горяченьких щец. Взмахнул раз-другой — наелся картошечки, несколько плавных движений — и любимое лакомство — грибочки — отведаны.

И все это делает Шуршик (Н. Потапушкин) легко, изящно, как-то по-детски. Вообще актер в этой роли совершенно не похож на все прежние сценические работы. Мне всегда казалось, что потенциал Потапушкина гораздо богаче и шире. Он может быть очень смешным. Эту комедийную линию в актере следует «вытягивать» более уверенно.

И можно по-разному отно-

ситься к режиссуре Б. Харченко в этом спектакле, можно предъявить к нему претензии в недостаточности фантазии, что привело к «заземленности» спектакля, можно покритиковать за традиционность мизансцен, но то, что Б. Харченко решил (наконец-то!) доверить именно Потапушкину роль Шуршика, — это правильно. На мой взгляд, не будь Потапушкина в этой роли, спектакль не смог бы по-настоящему состояться.

Большое место в контексте спектакля играет трансформация Шуршика в образ Бабушки.

Но ведь играем-то мы для детей! А они, дети, чувствуют любую фальшь и неправду в сто, тысячу раз стремительнее, чем мы, взрослые. А вот меры достоверности здесь у создателей не хватило до конца. Надеть на косматую голову Шуршика такую же косынку, что и у Бабушки, по-моему, недостаточно. А ведь по действию Вовочка полностью верит, что перед ним Бабушка, а я, как зритель, не верю. И получается игра понарошку.

Больше достоверен эпизод, когда Шуршик преобразается в образ покупателя часов. Он здесь меняет пластику тела, костюм, внешность, манеру разговора. Короче, трансформируется полностью. И от этого веет правдой. Все мы, и взрослые, и в

первую очередь дети, конечно же, радуемся, когда все конфликты разрешены, Шуршик стал любимцем не только Бабушки, но и внука, и вновь они живут дружно, согласно.

Конечно, так написана пьеса, что все внимание сосредоточено на необычности нового для нашего театра персонажа — Шуршика. И здесь никуда не денешься, что остальным образам трудно что-то изобрести новое, невиданное. Поэтому и Бабушка (арт. И. Демидова) и Вовочка (арт. М. Чертищева) получились несколько традиционные, уже ранее где-то виденные и знакомые. Но винить в этом актеров, думается, нельзя. Они делают все от них зависящее, чтобы ярче и красочнее «подать» самого Шуршика.

НЕЛЬЗЯ не сказать о музыке в спектакле, тем более что он как жанр в программке обозначен «музыкальная игра». Музыка композитора Л. Перевеслова мелодична и приятна. Но хотелось бы обратиться к звукооператорам: что же вы делаете с барабанными перепонками наших малышей-зрителей? В воспроизведении музыки — а она гремит нещадно — мера не соблюдена никак.

Появление на нашей сцене нового Карлсона — милого и доброго Шуршика — считаю удачей театра.

В. ШАБАЛИН,
режиссер.